

Н. В. СИЛЬЧЕНКО

ЭМПИРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

В юридической науке дискуссионным является вопрос о том, какие стороны общественных отношений находят свое отражение и закрепление в законе. Одни авторы полагают, что в отличие от научного познания в законодательном процессе не ставится задача проникнуть в глубинные закономерности, в сущностные структуры социальной реальности, что специфика закона как регулятора общественных отношений ограничивает пределы отражения в нем лишь внешней формы общественной жизни и предопределяет эмпирический характер знаний, содержащихся в правовых нормах¹. Другие же, наоборот, полагают, что законодательство не может быть построено на чисто эмпирической основе, указывают на тщетность усилий законодателя на этом пути, так как деятельность законодателя в данном направлении включает в себе прикрытие признания своей некомпетентности. «Нисколько не удивительно, — писал Г. Спенсер, — если законодательство, основанное на теориях, выработанных таким способом, делает ошибки. Скорее, можно было бы крайне удивиться, если бы его деятельность оказывалась успешною»².

Конечно, природа юридического закона такова, что он не может непосредственно воздействовать на сущностные, глубинные социальные связи и регулирует лишь внешние стороны человеческого поведения. И с этим, как говорится, трудно спорить. Но возникает вполне закономерный вопрос: а какие именно внешние стороны общественных отношений регулируются законом?

Поставив вопрос именно таким образом, мы неизбежно приходим к выводу о том, что для достижения своих целей, создания эффективного, действенного закона законодатель должен регулировать такие внешние стороны общественных отношений, которые позволяют направить поведение людей в русло социальных закономерностей. Но ведь социальные закономерности осознаются прежде всего в форме теоретического, а не эмпирического знания, и, следовательно, без данных теоретического характера невозможно произвести анализ внешних сторон регулируемых общественных отношений. С. В. Порошенков правильно подчеркивает, что когда говорится об отражении социальными нормами объективных законов, то производится абстрагирование, выделение только определенных связей в ряду других конкретных связей, присущих каждому виду деятельности³. Но ведь чтобы выбрать эти определенные, конкретные связи законодатель должен иметь четкие представления об общих закономерностях, глубинных связях общественных отношений, обеспечению которых как раз и подчинено создание того или иного юридического закона. Вовсе не обязательно, чтобы законодатель сам стремился постигнуть характер и природу этих взаимосвязей. Знания о них могут быть почерпнуты из уже имеющихся научных разработок, накопленного обществом социального опыта, иных источников. Но знания о глубинных связях общественных отношений непременно должны приниматься во внимание при создании даже отдельной нормы права, а закона — тем более.

Закономерности общественного развития могут, безусловно, выражаться и закрепляться в правовом обычае (обычном праве, в целом), прецеденте (прецедентном праве, в целом), иных источниках (формах) права. Но в них социальные закономерности выражаются и закрепляются стихийно, неосознанно, в ходе длительного эволюционного правового развития и, как правило, в грубой правовой форме. Законодатель же не может и не должен позволять себе ничем не оправданные эксперименты, деятельность наобум, вслепую. Закон как форма права получил широкое распространение и окончательное признание в эпоху рационализма. И основное его назначение в обществе и государстве, которые строятся на рациональных началах (переворот, совершенный в Новое время в понимании закона представителями естественно-правовой доктрины), состояло и состоит как раз в том, чтобы выразить и сформулировать устойчивые, закономерные взаимосвязи.

Отсюда понятно, что изучение непосредственно самого текста закона вне исторических обстоятельств, послуживших основой его принятия, вне суммы накопленного обществом и наукой знания о регулируемых отношениях, тенденциях и закономерностях их развития только и может привести к выводу о том, что закон есть сумма эмпирических сведений об объекте правового регулирования, знания, описывающего объект, но не содержащего объяснения⁴. В то время как эмпирические сведения об объекте правового регулирования, которые содержатся в законе, представляют собой лишь ту часть эмпирических знаний о правовой действительности, которая наиболее полно соответствует закономерностям, управляющим движением регулируемой законодателем сферы общественных отношений. Именно потому, что в законе содержится тщательно «адсорбированная» часть эмпирических знаний, исторической науке и удастся, изучая источники права государств древности, «реставрировать» с большой достоверностью закономерности государственных и правовых систем давно минувших дней, судить о них не только на чисто эмпирическом уровне, а подниматься до обобщений высокого уровня.

В условиях осложнения и динамизма социальных связей эффективное законодательное регулирование можно обеспечить только тогда, когда процесс создания законов основывается на познаниях, выходящих за пределы чисто внешних, доступных живому созерцанию связей и отношений, проникающих в глубинные, сущностные пласты общественных отношений, раскрывающих их объективные тенденции и закономерности развития⁵.

Другое дело, когда законодателю приходится регулировать такой круг общественных отношений, природа и закономерности которых еще не исследованы. Он попадает здесь в очень сложное положение, так как не вправе, ссылаясь на отсутствие глубинных знаний и представлений об общественных отношениях, откладывать на этом основании их правовое регулирование. Н. И. Козюбра четко подметил данное обстоятельство, подчеркнув, что человечеству пришлось бы очень долго стоять на месте, если бы оно ждало, пока потребность общества в социальном (в том числе и правовом) регулировании будет осознана и подтверждена на теоретическом уровне⁶. Эмпирические знания, накопленный законодателем опыт, его интуиция, изучение аналогичных (сходных) случаев регулирования в других странах могут позволить ему принять верное решение и урегулировать общественные отношения.

Чаще всего в таком положении законодатель оказывается в переломные эпохи, во времена проведения крупных реформ, охватывающих все сферы человеческого бытия. Неустойчивость в общественных отношениях, их динамизм, отсутствие в силу этого сложившихся научных представлений о тенденциях (закономерностях) регулируемых им общественных отношений вынуждают законодателя двигаться наощупь, ставят перед необходимостью руководствоваться в законотворческой практике в основном эмпирическими знаниями. Излишние доказывать, что такое состояние общества отнюдь не способствует улучшению законотворческого процесса, повышению качества принимаемых законов. Многие законы быстро деваются, устаревают, не успев выйти за стены парламента. Эпоха реформ — не лучшее время для законодателя, она, как правило, не способствует росту его авторитета.

Закон по своей природе носит обобщающий характер, охватывает устойчивое в процессах. Между тем исключительный динамизм общественных отношений в периоды реформ не дает необходимого материала для такого

рода обобщений⁷. Для законодателя одним из выходов из подобных ситуаций может быть более широкое использование законов-рамоч, суть которых состоит в том, что они определяют лишь самые общие, принципиальные, узловые моменты в регулируемых отношениях и не весьма жестко воздействуют на их содержание. Законодатель тем самым как бы ожидает того, чтобы в регулируемых им общественных отношениях утвердилась, устоялась какая-то тенденция, а уж затем более подробно формулирует содержание закона с учетом данной тенденции.

При проведении крупномасштабных реформ законодательства весьма важно, чтобы с самого начала был ясен замысел преобразований, цели, этапы и средства проведения реформы. Тогда деятельность законодателя может быть подчинена определенной логике, ее можно спланировать, можно выработать стратегию развития законодательства. Приняв узловые законы, тщательно их проработав, законодатель в состоянии с помощью науки и иных форм общественного сознания уловить основные стороны закономерностей регулируемых общественных отношений и закрепить их в законе. Но если реформа законодательства проводится так непоследовательно и нерешительно, как нынешняя, с зигзагами и поворотами, которые трудно заранее предвидеть, когда ее ориентиры меняются в течение года, то вряд ли всерьез можно рассчитывать на качество принимаемых законов. Возможно, что с чисто технической (точнее, технико-юридической) стороны они могут выглядеть и вполне прилично, но с чисто регулятивных позиций, с точки зрения устойчивости и качества воздействия на регулируемые общественные отношения они просто не выдерживают критики.

Очень важная проблема, с которой сталкивается законодатель, состоит в том, как согласовать между собой выражаемые и защищаемые им интересы различных слоев населения, с одной стороны, и закономерности (тенденции) регулируемых им общественных отношений, с другой. Проблем не возникает тогда, когда они совпадают в своих основных параметрах: направлении и содержании. Иное дело, когда они расходятся. Поскольку любая социальная закономерность проявляется в реальной действительности не иначе, как через интересы людей, то данная проблема может быть сформулирована так: чьи интересы должен выражать и защищать законодатель? И правомерна ли вообще постановка вопроса о выражении и защите интересов?

Если исходить из той посылки, что законодатель должен, как пишет В. Васильев, воплощать в законе разумный компромисс различных политических сил, разных направлений общественной мысли⁸, то закон легко может быть превращен в инструмент произвола, а все законодательство — в легализацию силы. Та или иная часть населения, получив всякий раз большинство в законодательном органе и по-своему, естественно, понимая консенсус и пределы компромисса, всякий раз и на свой манер кроила бы и перекраивала правовую систему по своему образу и подобию, не считаясь с теми принципами, которые заложены были в систему законодательства ранее. И такое поведение парламентского большинства, с точки зрения сторонников логики компромиссов, было бы вполне правомерным. При этом почему-то не принимается во внимание то, что в силу целого ряда причин, стечения случайных обстоятельств (несовершенство законодательства о выборах, политическая конъюнктура и т. д.) состав законодательного органа может вовсе не выражать (или выражать неадекватно) подлинные интересы народа. Более того, сиюминутные интересы людей могут выступить на первый план и затмить их глубинные и устойчивые потребности.

Кроме того, законодательный орган состоит из конкретных депутатов, не лишенных весьма определенных интересов и стремящихся придать им всеобщую форму в виде закона. Как реально в этих условиях может быть выражен общий интерес и какие механизмы могут препятствовать выражению в законах групповых интересов? Можно ли с математической точностью вычислить баланс интересов в парламенте? Есть ли для этого соответствующие правовые механизмы? Очевидно, что в формуле согласования в законе различных интересов, достижения разумного компромисса гораздо больше вопросов, чем ответов на них.

Представляется, что ответ на поставленный вопрос лежит в несколько иной плоскости. Дело в том, что когда мы говорим о согласовании (или выражении) интересов, их защите, то забываем, что регулируются все же не интересы, ибо последние управляют поведением людей и определяются

не законодателем, а реальными социальными процессами, и, в конечном счете, чтобы изменить интересы, надо изменить причины, их порождающие.

В интересах находят выражение многообразные виды человеческой деятельности, через интересы проявляются реальные общественные отношения, которые и составляют предмет деятельности законодателя. Общественные же отношения носят безличностный характер, поскольку в них вскрываются существенные социальные связи между сферами жизнедеятельности людей, видами труда и общностей. При этом общественные отношения не зависят от конкретных индивидов (даже парламентариев!) и их интересов, вступающих в общение друг с другом и персонифицирующих социальные связи⁸, ибо они есть результат предшествующей человеческой деятельности и в то же время необходимое условие, предпосылка деятельности в данное время. В последнем своем аспекте общественные отношения есть нечто первичное по отношению ко всем видам человеческой деятельности, в том числе и деятельности законодателя¹⁰, являются обязательной формой (или способом) осуществления любой деятельности. «Материальные отношения, — подчеркивает К. Маркс, — суть лишь необходимые формы, в которых осуществляется... материальная и индивидуальная деятельность»¹¹.

В сложившихся и упрочившихся общественных отношениях интересы различных социальных групп населения, их общностей, занятых различными видами человеческой деятельности, уже согласованы сами по себе и сбалансированы, они стали тем, что и называется общественными отношениями, тем общим, что составляет необходимое условие бытия людей. Рано или поздно, в принципе, любые, даже самые противоположные, интересы могут быть согласованы естественноисторическим образом. Задача же законодателя состоит в том, чтобы утвердить в обществе и защитить цивилизованные формы разрешения сталкивающихся частных интересов, а не согласовывать эти частные интересы. Еще Чезаре Беккария писал: «Законы ...как узы необходимы, чтобы сдерживать и подавлять столкновения частных интересов. Вот на чем покоится физическая и действительная сила законов»¹². Такое понимание роли законодателя и назначения закона в жизни общества основаны на взаимной зависимости индивидов в обществе, на понимании того, что никто лучше самих участников человеческого общения не сможет согласовать их интересы.

Все сказанное о выражении в законах интересов участников общественных отношений свидетельствует, что эмпирические знания о реальных социальных процессах, как правило, и замыкаются на уровне их участников, они остаются как бы за рамками самого законотворческого процесса. Для законодателя важны конечные итоги социальных процессов, законченные формы, в которых протекают эти процессы и в которых происходит их разрешение. Сами же эти формы осознаются в теоретическом знании, с которым чаще всего и имеет дело законодатель.

¹ См.: Козлов В. А. Проблемы предмета и методологии общей теории права. Л., 1989. С. 17.

² Спенсер Г. Социальная статика. СПб., 1906. С. 20.

³ См.: Поросенков С. В. // Философские науки. 1981. № 5. С. 138.

⁴ См.: Козлов В. А. Указ. соч. С. 19.

⁵ См.: Козюбра Н. И. Социалистическое право и общественное сознание. Киев, 1979. С. 108.

⁶ См.: Там же. С. 100, 112, 119, 120.

⁷ См.: Там же. С. 17.

⁸ См.: Васильев В. Диктатура закона // Известия. 1990. 28 июня.

⁹ См.: Буюева Л. П. Человек: деятельность, общение. М., 1978. С. 121.

¹⁰ См.: Лармин О. В. // Очерки методологии познания социальных явлений. М., 1970. С. 65.

¹¹ Маркс К. Соч. Т. 27. С. 403.

¹² Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1940. С. 208.